

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ТАМАРЫ ПОПОВОЙ «БЛАГОСЛОВИ...»

Вдоль Чуйского тракта, в предгорьях Алтая, на правом берегу реки Катунь более двухсот лет стоит замечательное село Сростки – родина известного писателя, актера, режиссера Василия Макаровича Шукшина. Там я и познакомилась с поэтом – песенником, троюродной сестрой Василия Макаровича, Надеждой Алексеевной Ядыкиной. Случилось это летом 2015-го года. Мы вместе выступали перед ребятами из Краевого детского оздоровительного общеобразовательного Центра, в котором были дети из многих районов Алтайского края. В проекте этого Центра – встречи с писателями, участниками ВОВ и многое другое.

Послушала я эту удивительную женщину, которая не только рассказала о Василии Макаровиче, но сыграла и спела частушки под звуки своей балалайки, которую выменяла в военные годы ее

мать на ведро картошки. Ребята сразу оживились, заулыбались. А у меня зародилась мысль написать о ней, прожившей полную трудностей жизнь, тесно связанной с жизнью моего любимого писателя (да и не только моего – всей России) Василия Макаровича Шукшина и с судьбой его матери Марии Сергеевны.

* * *

Не доезжая до села Сростки, еще издали видится величавый, с искрящимися на солнце куполами храм великомученицы Екатерины. Рядом с ним – Бийская районная мемориальная библиотека Василия Макаровича Шукшина. Чуть под горку от нее – школа имени Василия Макаровича и Всероссийский мемориальный музей-заповедник Шукшина. Здесь же, в центре села, Дом Культуры, а напротив него – бывшее подворье Сергея Федоровича Попова,

отца Марии Сергеевны Куксиной (Шукшиной).

Гора Пикет – одно из красивейших мест села. С весны и до самой осени ласкает взгляд разноцветье полевых цветов на ней. Березы. Взрослые и подростки разбежались от вершины стайками. Душа замирает, глядя на их статность, изумруд кружевных листьев.

С юго-восточной стороны Пикета течет, не торопится речка Федуловка (приток Катуня). Вдоль поселения бежит Чуйский тракт. Интересно, что лога, гривы-горы названы именами их бывших владельцев: Шмакова, Соснина, Любавина и других зажиточных людей.

Вся торговля в селе сосредотачивалась в руках пяти купцов: Глебова, Глухова, Рыбина, Алексеева, Перехожева.

Были зажиточные крестьяне, занимавшиеся сельским хозяйством. Они имели большие земельные наделы, машины, нанимали батраков.

К середнякам относился дед Надежды Алексеевны Ядыкиной, Василий Мартынович Валиков. Средняки обрабатывали землю, в основном, своим трудом. В период уборки урожая, сенокоса некоторые нанимали батраков. Держали хозяйство. Василий Мартынович перед уборочной страдой купил жнейку.

Бабушка Надежды Алексеевны Мария Фаддеевна Валикова (Попова) являлась тетей во втором поколении Марии Сергеевны Поповой-Шукшиной. В семье отца Марии, Сергея Федоровича, было 12 детей. Маня родилась в Сростках 14 октября 1909 года. Окончила два класса церковно-приходской

школы. Учиться дальше хотела, но отец решил: «Надо помогать по хозяйству!»

Попала Мария Фаддеевна в Сростки, будучи взрослой. Рассказывала внучке Наде о том, как они, дети да старики, на подводах ехали из России в Сибирь. Взрослые добирались пешком. Местных жителей они звали «сибирячишками». Переселенцы, «дорвавшись» до черноземных земель, готовы были костями лечь на пашнях, но вырастить богатый урожай. Засаживали огромные участки земли бахчевыми. Много выращивали льна. И уже ближе к зиме его мочили, сушили, мяли. Затем пряли нити. Готовые холсты толкли в золе и расстилали на снег для отбеливания. Из этих полотен шили убранства для дома, одежду для семьи. Вышивали, вязали.

Рыбную ловлю переселенцы считали занятием несерьезным. Отдыхом. Мария Фаддеевна иронично говорила детям:

– Ну-ка сходите к «сибирячишкам»! Наловите рыбки на медный крючок!

Это означало сходить и купить.

Василий Мартынович вскоре приобрел маслобойню. Стали бить конопляное масло. Мясо ели только в мясоед. Щи наливали в общую чашку и ставили на середину стола. Хлебали деревянными ложками. По условному знаку деда брали руками куски мяса. Не торопясь, жевали.

К праздникам в «мангазее» всему семейству покупали обновы. В будни носили одежду грубую, сшитую из холстов, вытканых из отребьев (остатков после теребления). По праздникам в поле не работали, однако в эти дни

девки да бабы то собирали ягоду, то еще что-то. Мужики занимались домашними хозяйственными делами.

Репрессии 30-х годов искорезжили не одну российскую судьбу. По линии НКВД было арестовано в Сростках 112 человек, в том числе и муж Марии Сергеевны Шукшиной (Поповой), Макар Леонтьевич Шукшин – двадцатилетний рядовой колхозник.

Семью Василия Мартыновича Валикова, деда Надежды Алексеевны по матери, признали зажиточной и раскулачили. Жили они с сыном, снохой Василисой, внучкой Аней и восьмимесячным внуком Сашей. Активисты села семью выгнали из дома, а Василия Мартыновича посадили в тюрьму, где потом и расстреляли. Он в гневе говорил: «Если вы нас, середняков, «унистожите», то Яша Горячий вас не накормит!» Яша в селе был отъявленным лентяем.

Второго деда Надежды Алексеевны, по отцовской линии, Евгения Николаевича Куксина звали по-уличному Евдин, а семью – Евдиновы. У его малолетних сыновей, один из которых, Алексей, в будущем стал отцом Надежды, умерла мать Марфа. Евгений Николаевич женился на женщине ласковой, доброй, Пелагее, она и заменила детям мать. Это вторая бабушка Надежды.

Надину маму, Анну Васильевну, рано выдали замуж. И уже в семнадцать лет она овдовела: во время гражданской войны ее муж был ранен и умер по дороге в больницу.

Алексей Евгеньевич тоже рано остался вдовым. Анна с Алексеем поженились. У них родилось пятеро детей, двое из которых умерли.

Остались Вера, Полина и Надя – Надежда Алексеевна Куксина (Ядыкина).

Анна Васильевна рассказывала Наде, как она родилась 19 августа 1930 года. Страда. Анна вечером приехала с работы. Растопила баню. Помылась. И дочка «стала проситься родиться». Анна ушла в сени и на топчане родила. Врачей не было. Все рожали дома. А бывало, прихватит и в поле. Помыла, дочку, завернула. Утром накормила семью и поехала с дитем вязать снопы на свое поле.

Положила ребенка в сноп, сама вяжет, а душа не на месте: в горах змеи. Так глаз и не спускала с малышки. Подтащит сноп с дочкой поближе и опять вяжет. Говорила младшенькой:

– Ты у меня Надя работающая, потому как родилась в страду.

Сталинские репрессии семей Шукшина и Куксина тоже коснулись.

Никому из старожилков не забыть весну 1933 года. В одну из ночей было арестовано 88 человек. А наутро их погнали в Бийск, потом в Барнаул. Предъявлено обвинение в участии в подрывных повстанческих организациях, деятельность которых была направлена на свержение советской власти.

Арестован и отец Надежды. В тот день в их дом прибежала соседка, узнавшая о беде от мужа. Панически крикнула: «Спрячьте Алексея!»

И только Алексей вошел в дом, как влетел урядник. Ткнул пальцем:

– Ты, враг народа! Пошли!

Враги народа. Многие сельчане были неграмотными, умели только расписываться.

Ярикова Матрена Михайловна, как и Надежда Алексеевна Ядыкина (Куксина), родственница Шукшина. Так вот она в то время работала в сельском совете рассыльной. Телефонов в ту пору в селе не было. В один из мартовских дней Матрена бежала на работу. Радовало солнце, наступавшее весеннее тепло. Правда, где-то внутри щемило: арестовали агронома, но он же не их, не сротинский: откуда-то с Украины. И вдруг, как снег на голову, приказ начальства.

– Отнести повестку Шукшину Макару. Немедленно!

В голове заколотило:

– Братке?! Ему-то зачем? Отрядсь никого не обижал!

Понеслась к ним домой. Макар в то время был женат на бойкой девушке Мане Поповой, и у них уже было двое детей: Вася и Наташа.

Переступила порог и застыла. Маня пекла просяные блины. Поняла все без слов. Матрена встала у печи допекать блины, а Маня, с упавшим сердцем, побежала по соседям: собрать в дорогу какой-нибудь стряпни.

Вышли из дома втроем. У Макара за плечами мешок с провизией. О чем-то говорили.

Семьи арестованных быстро сдружились: объединило общее горе. Узнали день, когда из Старой Барды (ныне Красногорское) арестованных погонят в Бийск, на вокзал. Шел снег и от солнечного тепла быстро таял, образуя лужи. Женщины, кроме продуктов (вдруг удастся сунуть), захватили теплую одежду. Немалый путь преодолели женщины, прежде чем догнать арестантов у Ярков (Верх-

Катунского), которые уныло шли по несколько человек в ряду. Конвой – по обе стороны. Позади так же уныло передвигалась лошадь, запряженная в телегу. Своего, безучастного ко всему, не в состоянии передвигаться отца Матрена нашла в этой телеге.

Конвой родственников не отгонял. Позволил отдать продукты, переобуться, переодеться. Разрешил идти рядом.

А потом, сбившись в кучу, устремив горячие взгляды в спины мужиков, бабы голосили на всю округу. Фигуры арестантов удалялись и становились все меньше и меньше. И вот уже превратились в точки, а бабы отупело все стояли. И никто из них не мог знать, что через несколько дней их мужей, отцов, братьев не будет в живых.

Называли жен репрессированных «сибулонками» от слов «сибирский лагерь». Их семьи были врагами народа, и носили они прозвище «сибулонцев». Так и говорили в селе:

– А, это сибулонки собрались.

Для каких-либо нужд лошадь, сбрую в колхозе им давали в последнюю очередь. При делении земли – им после всех. Старших сестер Надежды, Веру и Полину, даже в комсомол не приняли – враги народа. В пионерах они тоже не были. Надя младше, так она и в пионерской организации, и в комсомоле – везде в первых рядах.

Училась Надя со своим троюродным братом Васей Поповым (Шукшиным) в новой школе – семилетке (потом – девятилетка, а с 1947 года, – средняя школа), в которой первые занятия начались в 1928 году. А до этого времени в 1881 году сначала было открыто

«Сельское училище МВД», в следующем году – волостное училище. Через шесть лет в селе стала работать рядом с церковью церковно-приходская школа. Мальчики и девочки обучались раздельно. Была и «Женская школа грамоты».

Так как Сростки было волостным селом, то школа в нем была более обеспечена, чем школы других сел. Главные средства – частные сборы.

Так вот в школу Надя с Васей ходили по одному переулку. Вася жил в переулке Набережном, а Надя по улице Береговой. Этот переулочек и улица сходились. Вася шел по одной стороне улицы, Надя по другой. Не разговорчив Вася был, а она стеснялась. «Были еще совсем маленькими. Рубашечка на нем полосатенькая или еще какая, навыпуск, подпоясанная сплетенным из разноцветных ниток пояском. Брючки. Сапожки самодельные».

В селе был сапожник. Он шил обувь из самодельной кожи. Хотя по закону после забивания скота шкуры надо было сдать, но обуваться-то ведь тоже надо. Люди и выкручивались, кто как мог. Шкуры выделывали сами. Сначала держали их в кислом растворе. Потом заваривали кору и держали уже в этом растворе – дубили. Шкуры становились жесткими. Их, применяя силу, обминали на специальных станках, а затем несли сапожнику, который шил обувь без каблучков. Верх обшивал тряпочкой, в которую вставлял завязки. А Наде еще изготовил тапочки. На них оставалась шерсть, так она их не носила и ходила в школу всю осень босиком. Чтобы кожа на обуви не размокала,

не усыхала, ее мазали дегтем. Вася ходил в школу в намазанных дегтем сапожках. Надя ходила зимой в такой же обуви. В классах стоял терпкий запах дегтя.

Была у ребятишек в то довленное время тяга лазить по чужим огородам. У всех куча овощей, а красть надо. Потому как жутко интересно. Надя с подружкой побаивались лазить в чужие огороды: крапивой могут отстегать, если поймают. Так они приспособились: сегодня в подружкин огород за арбузами, завтра – в ее.

За Пикетом течет любимая молодежью речка Федуловка. В то далекое время она была для ребятишек «природной тайной». Теплая вода. Березы. Грибы и ягоды. Там же копали длинные сладкие корни солодки в виде прутьев. С удовольствием жевали. Вместо сахара. С наслаждением купались в теплой речке, но опасались змей. Вечерами у костра Вася Попов рассказывал, больше всех других, сказки. Слушали его с упоением.

* * *

Теплый ласковый май. В полях шли посевные работы. Спокойное мирное время. Надя перешла в 4-й класс. Лето! Пора купаний на речке и походов за ягодами, грибами, плаваний на острове!

А через три недели, словно гром среди ясного неба! Война! Услышав страшное известие, женщины с криком бежали по деревне. За ними дети. Надя с подружками никак не могли понять, что такое война. По – взрослому рассуждали:

– Это, наверно, где-то дерутся.

Потом провожали партии новобранцев. В переулке Широком (ул. Братьев Ореховых)

собрались сельчане. Каждая мать «яичишко» чистила, чтоб покормить сыночка. Новоявленные солдаты, припадая к груди мужей, молча вытирали концами платков катившиеся слезы. Ничего не понимавшие ребятишки ухватились за шеи отцов, братьев. Где-то под звуки гармошки девочки тихонько пели частушки.

Неожиданно из-за угла вывернула «полуторка». Взвился истошный женский крик. Хмурый водитель открыл борт машины. Новобранцы, посуровев лицами, полезли в кузов. Бабы с отчаянными криками: «Не пущу!» – вцепились в их одежду. Борт закрыли. Бабы потрескавшимися от работы пальцами хватались за него и с воем висли. Перепуганные ребятишки, ухватившись за юбки матерей, ревели.

Машина потихоньку тронулась. Бабы, спотыкаясь, с ревом погнались за ней. Дети, крепко держась за подолы матерей, путались в них, но перебирали ножками. Ручонки слабели, и ребятишки падали, кувыркаясь в пыли.

«Полуторка» набрала ход и вскоре исчезла из виду. Солдаты, рыдая, сдергивали платки и вытирали ими опухшие от слез лица. Ребятишки, с плачем размазывали кулачками слезы.

Надя тоже прибежала на проводы. Она никого не провожала. В их доме мужиков не было. Деда расстреляли в бийской тюрьме, отец где-то томился в лагерях. В доме мать с двумя старушками, бабушками Нади, да четырьмя девочками. И тут она поняла, что такое война.

Через недолгое время то в одном доме слышался истошный

крик: получили похоронку, то в другом. Солдаты бежали к вдовам, успокаивали и рыдали сами.

Приходили с войны калеки. Кто без руки, кто без ноги.

В школе было холодно, занимались в фуфаечках. Учебник был один на весь класс. У Васи подшивки с валенок все время отлетала, приходилось ее привязывать. Писали перьями на палочках.

Мальчишки бросали учебу: работа в колхозе лежала на их плечах да на женских.

После школы обязанностью Нади было напоить корову. Сгоняет ее на реку, потом по два ведра несет на коромысле воду домой. Несколько раз приходилось сходить, а дорога не близкая. Колодцев в селе не было. Очень глубоко залегают грунтовые воды: до двадцати метров. А на холмистовалистом предгорье по долинам, логам и балкам – на глубине до ста семидесяти метров.

Ездил Надя с матерью (сестры учились в городе) за дровами на саях. Запрягали свою корову. Сани брали в колхозе. Приходила она из школы, а запряженная корова уж поджидала. Ехали рекой по наезженной дороге далеко до самой Образцовки.

И вот однажды Надя задержалась в школе по уважительной причине. А ее мама уж корову запрягла на бригаде и с нетерпением ждала дочку дома.

Поехали. Синева неба густела быстро. Пока добрались – вовсе темно стало. Мать, по грудь в снегу, рубила деревья, а Надя, собрав силёнки, таскала да корову Зорьку одним глазом стерегла, чтоб не ушла.

На обратном пути освещали дорогу лишь яркие звезды. Ехали,

напряженно вглядываясь в проторенный санный след: в прорубь бы не попасть.

Мать с екнувшим сердцем оглянулась оттого, что корова резко прибавила ход. Позади них светились огоньки. То с одной стороны дороги загорятся, то с другой, и они быстро приближались.

– Надя, волки! Кричи!

Корова, не замечая груза, неслась сломя голову.

Надя отупело уставилась на мать.

– Надя, пой!!

От страха девчонка не помнила, кричала ли, пела ли.

Корова с седоками и грузом «доскакала» до окрестностей села.

А волки не отступали, «наседали на пятки». Совсем уж близко Монахова гора. Тут, считай, дома.

Неожиданно увидели мужика, ехавшего навстречу с мельницы. Взмахнув кнутом, мужик хлестнул лошадь. Его зычный голос разнёсся по округе:

– Но-о!

Волки тормознули. Бежать дальше за коровой не напустились.

Натерпелись страха Надя с мамой да коровой Зорькой дальше некуда. Влетев в избу, мать бухнулась на кровать и зарыдала. Худенькие плечи Надюшки сотрясались от плача рядом. Их старенький дом, поскрипывая от мороза, казалось, тоже плакал...